

II.

ОФФИЦІАЛЬНЫЯ СТАТЬИ И ИЗВѢСТІЯ.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ОТЧЕТОВЪ ЛИЦЪ, ОТПРАВЛЕННЫХЪ ЗА ГРАНИЦУ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ПРОФЕССОРСКОМУ ЗВАНІЮ.

1) Магистра Николая Бугаева.

Руководясь совѣтами профессоровъ Московскаго и Петербургскаго университетовъ, я выбралъ для своихъ занятій въ настоящемъ семестрѣ Берлинскій университетъ. Ученая извѣстность нѣкоторыхъ профессоровъ математическаго отдѣла этого университета достаточно ручалась въ той пользѣ, которую можно было извлечь изъ этого выбора.

Прибывши въ Берлинъ и записавшись въ число студентовъ, я сталъ посѣщать преимущественно лекціи профессоровъ Вейерштрасса и Куммера. Каждый изъ нихъ излагаетъ въ текущемъ семестрѣ по два предмета. Вейерштрассъ читаетъ: 1) приложение эллиптическихъ функций къ различнымъ вопросамъ геометріи и механики, и 2) введеніе въ теорію абелевыхъ функций.

Впрочемъ, въ началѣ семестра Вейерштрассъ, вмѣсто приложения эллиптическихъ функций, излагалъ самую ихъ теорію, какъ продолженіе курса, читаннаго имъ въ предшествующемъ семестрѣ. Оригинальность его изложенія, а также желаніе лучше усвоить содержаніе его настоящихъ чтеній, побудили меня познакомиться съ его курсомъ эллиптическихъ функций, читаннымъ въ предшествующемъ семестрѣ, въ чемъ мнѣ помогли записки, составленныя Александромъ Васильевичемъ Бесселемъ. Изложеніе эллиптическихъ функций у Вейерштрасса совершенно своеобразно.

schichte der Plastik von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart». Leipzig, 1868. Книга Любке представляет первый опыт полной исторіи скульптуры. Если она не представляет въ большинствѣ случаевъ вполне самостоятельныхъ изслѣдованій автора, то хорошее знакомство его съ трудами другихъ специалистовъ очевидно. Привлекательное простотою, ясностью и живостью изложеніе, неоспоримая способность уловлять въ каждомъ произведеніи искусства смыслъ народнаго воззрѣнія и жизни, дѣлаютъ эту книгу очень замѣчательною. Она вполне заслуживаетъ перевода на русскій языкъ и для изучающихъ этотъ предметъ въ Россіи будетъ самымъ лучшимъ пособіемъ; — фотографическія и литографическія изображенія памятниковъ скульптуры, разсѣянные по всей книгѣ въ числѣ 281, чрезвычайно содѣйствуютъ наглядности дѣла и оставляютъ живое впечатлѣніе въ читателѣ.

Для дальнѣйшихъ занятій отправляюсь въ Италію.

Берлинъ, $\frac{2\text{-го августа}}{21\text{-го іюля}}$ 1868 года.

10) Кандидата А. Веселовскаго.

Въ области историко-филологическихъ наукъ совершается теперь переворотъ, какого не было, быть можетъ, со времени великаго обновленія классическихъ знаній. Перевороты всегда соединены бывають съ неожиданнымъ расширеніемъ кругозора въ нравственномъ и физическомъ смыслѣ. Это тѣмъ болѣе вѣрно, чѣмъ дальше отъ начала всякой исторіи, гдѣ человекъ тѣснѣе связанъ съ природой и его развитіе еще не успѣло создать себѣ своихъ собственныхъ, преданіемъ освященныхъ, законовъ; гдѣ народная масса мягче и развитіе ея ровнѣе. Чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ ярче выступаетъ система общественныхъ законовъ въ ея противоположности съ законами чисто физиологической жизни, которые вездѣ составляютъ ея подкладку. Но эта подкладка такая далекая, она перешла черезъ цѣлый рядъ преданій, успѣла формулироваться въ обычай и законъ, такъ что дальнѣйшее развитіе уже совершается въ формахъ этого закона и обычая. Это то, что мы называемъ прогрессомъ или органическимъ развитіемъ; обратная сторона — это органической упадокъ, по всѣмъ правиламъ общества и исторіи, какъ медикъ заставляеть умереть больнаго по всѣмъ правиламъ искусства.

Переворотъ наступаетъ, когда въ это тихое развитіе изъ своихъ

собственныхъ началъ вторгается масса новыхъ началъ и фактовъ, съ которыми приходится считаться. Въ какую бы сторону ни окончилось борьба стараго съ новымъ, въ результатъ всегда будетъ сдѣлка, не побѣда и не поражение — это одинъ изъ тѣхъ плодотворныхъ результатовъ гегелевской философіи, на которомъ тюбингенская школа построила свою исторію христіанства. Отворяются новые просвѣты въ даль, сопровождаемые часто пространственнымъ расширеніемъ горизонта, какъ будто съ расширеніемъ взгляда тѣсно соединено болѣе широкое знакомство съ внѣшнимъ міромъ. Такъ открытіе путей на востокъ въ крестовыхъ походахъ положило болѣе широкое основаніе средневѣковой культурѣ, возвысивъ рыцарскій идеалъ до рыцарей Храма и Св. Граля. Въ этомъ отношеніи стоитъ сравнить типы Вильгельма Оранскаго въ *chanson de geste* XI — XII вѣковъ, хоть бы съ Готфридомъ Бульонскимъ Тасса, въ которомъ рыцарскій идеалъ британскаго круга достигъ своего высшаго, хотя односторонняго развитія. Любители эпической наивности и первобытной простоты нравовъ, разумѣется, предпочтутъ аквитанскаго героя; здѣсь дѣло личнаго вкуса, здѣсь даже сравненія быть не можетъ, потому что сравненіе возможно только между сходными величинами и сравнивать прошедшее народа съ настоящимъ и такимъ путемъ выводить свой осуждающій приговоръ, такъ же ни къ чему не ведетъ, какъ сравнивать возможность развитія съ его совершеніемъ. Что сумма нравственныхъ началъ, каковы бы они ни были, въ позднѣйшихъ рыцарскихъ романахъ несравненно больше, чѣмъ въ такъ называемомъ героическомъ эпосѣ — противъ этого конечно никто не станетъ спорить. Что же интереснѣе наконецъ — прожитая ли жизнь, съ ея какими ни на есть выстраданными результатами, или отсутствіе всякой жизни, жизнь инстинктовъ и животной силы, гдѣ одинъ богатырь прокалываетъ другаго насквозь своимъ коньемъ, такъ что на высунувшійся кончикъ копья можно бы повѣсить свой плащъ, «qui s'en fust pris bien garde».

Тѣ же самые крестовые походы впервые подняли значеніе городовъ и средняго сословія дома, пока рыцари добывали себѣ чести въ Палестинѣ. Когда вернулись они назадъ, ихъ встрѣтила цѣлая литература фавль и мѣщанскихъ разсказовъ, апологовъ и новеллъ, которую они же вывезли съ востока. Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть этихъ разсказовъ уже существовала на западѣ до этого, принесенная изъ общей азіатской родины; но не доставало толчка, чтобъ имъ развиться въ ту громадную литературу, которая

по немногу заглушила рыцарскую. Толчекъ пришелъ съ востока, оттуда же, откуда рыцарству его высокіе идеалы борьбы и самоотверженія. Со 2-й половины XIII вѣка литература принимаетъ болѣе и болѣе мѣщанскій, поучительный характеръ, мѣсто романа занимаетъ новелла, легенда, наставленіе, стихъ переходитъ въ прозу. На самихъ рыцаряхъ позднихъ романовъ этой поры ложится фламандскій отпечатокъ они отправляются въ путь не очертя голову, а устроивши свои домашнія дѣла и взявъ денегъ, чтобъ хватило на дорогу. Такъ продолжается весь XIV и XV вѣкъ, — мы говоримъ особенно про Германію.

Здѣсь опять широкій просвѣтъ на востокъ и западъ; греческіе ученые приходятъ съ востока, на западъ отправляются европейцы отыскивать новый міръ. Мы знаемъ, какія громадныя слѣдствія для нравственнаго и матеріальнаго развитія нашей части свѣта имѣло это расширеніе кругозора и географическихъ разстояній. Въ XVI вѣкѣ сказались плоды того и другаго. Мы готовы почти принять, что исторія или то, что мы обыкновенно называемъ исторіей, только и двигается впередъ помощью такихъ неожиданныхъ толчковъ, которыхъ необходимость не лежитъ въ послѣдовательномъ, изолированномъ развитіи организма. Иначе говоря, вся исторія состоитъ въ *Vermittelung der Gegensätze*, потому что всякая исторія состоитъ въ борьбѣ. Изолируйте народъ, удалите его отъ борьбы и тогда попробуйте написать его исторію, если исторія будетъ. До тѣхъ поръ мы не вѣримъ въ возможность физическаго настроенія историческихъ явленій. Исторія не есть физиологія; если она развивается на исключительно физиологическихъ началахъ — она уже не исторія. Бёкль попытался сдѣлать для европейской исторической жизни, что возможно развѣ для какихъ нибудь Эскимосовъ или Готтентотовъ, да и то пока они не увидѣли перваго иноземца. Первый иноземецъ уже возмутитъ бы физиологическій покой ихъ жизни, правильный ходъ ихъ мысли нарушитъ бы обмѣнъ съ чужой мыслью, выросшей на иной почвѣ, въ другомъ кругѣ представленій. Определить законы этихъ столкновеній, разумѣется, невозможно, по крайней мѣрѣ для насъ; все ограничивается такими общими истинами, какъ порабощеніе низшей цивилизаціи высшею, сдѣлка борящихся началъ и т. п. Для науки исторіи, для физиологической науки исторіи, не настало еще время. Да и настанетъ ли?

Историко-филологическія занятія дѣйствительно получили въ недавнее время болѣе научное основаніе, чѣмъ какое имѣли до

тѣхъ поръ. Быстрые успѣхи, которые они сдѣлали съ тѣхъ поръ, какъ вступили на эту новую прочную почву, заставляютъ надѣяться на обширные результаты въ будущемъ. Будетъ смѣло сказать, что результаты эти отзовутся на всей исторической наукѣ, но что для первыхъ главъ своей исторіи цивилизаціи Бекль былъ бы въ состояніи теперь же воспользоваться нѣкоторыми изъ нихъ — это доказываютъ труды Kuhn'a, Piets'e и др. для характеристики первобытной культуры. Въмѣсто того, мы получаемъ довольно скудное росписание различныхъ вліяній, какія производить на человѣкѣ климатъ, пища и т. п. природныя условія. Однимъ словомъ, строится исторія надъ человѣкомъ и вопреки человѣку: между тѣмъ какъ слѣдовало бы построить ее изъ самаго человѣка, какъ физиологической и психологической единицы, состоящей разумѣется подъ вліяніемъ окружающаго, но имѣющей достаточно матеріала въ самой себѣ, чтобы изъ самой себя развиться.

Для такого внутренняго построенія исторіи, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ частей ея, всего болѣе сдѣласть новая наука лингвистики. Это опять же одинъ изъ счастливыхъ результатовъ того расширенія умственнаго и вещественнаго горизонта, о которомъ мы такъ часто говорили. Англичане завоевали Индію, англійскіе ученые завоевали индѣйскую науку. Sir William Jones первый сдѣлалъ открытіе, что санскритскій языкъ родственъ съ греческимъ, латинскимъ и большинствомъ живыхъ европейскихъ языковъ. Открытіе, кажущееся само по себѣ маловажнымъ, повело за собой классическіе труды Боша, совершенное обновленіе филологическихъ занятій. Санскритскій языкъ, введенный въ систему прусскаго университетскаго образованія усиліями Вильгельма Гумбольдта и Альтенштейна, въ рѣдкомъ изъ нѣмецкихъ университетовъ не имѣетъ теперь представителя, кафедры его распространились даже въ Америку и вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе сравнительной грамматики. Англичане уже успѣли написать популярное руководство for the use of students. Выше замѣчено было, какое громадное вліяніе на научные приемы исторической дисциплины могутъ имѣть новые успѣхи языкознанія. Не даромъ Штендлеръ еще въ этомъ году провозгласилъ сравнительную грамматику частью сравнительной исторіи культуры. (Ich betrachte daher die vergleichende Grammatik nur als einen Zweig der vergleichenden Culturgeschichte des ganzen Volksstammes). Не говоря уже о томъ, что при ея помощи освѣтились такія темныя стороны историческаго міра, до которыхъ не смѣла дотрогиваться археологія —

она вызвала науку сравнительной мифологии. И на изучение собственно германскаго эпоса и новеллы распространилось ея вліяніе; какъ прежде была манера говорить о заимствованіи, когда рѣчь шла о сходствѣ двухъ повѣстей, такъ теперь приучились указывать на общее всѣмъ намъ отечество въ Азіи, откуда мы вынесли языкъ, одни обычаи и повѣрья. Быть можетъ, эти указанія заходятъ даже слишкомъ далеко, употребляются во зло, подъ вліяніемъ исключительной любви къ народной литературѣ. Заимствование, видите ли, оскорбительно, наслѣдство не оскорбительно, хотя наслѣдство то же заимствование, особенно изъ такихъ далекихъ рукъ: какъ наши протцы на Иранской возвышенности. Такимъ образомъ шакаль Гитопадеша, упавшій въ кадку съ синей краской и рассказъ о Ренгардѣ-лисѣ, окрашенномъ въ золотой цвѣтъ, приводится въ флиацію къ одному общему прототипу сказанія. Наши нѣмецкіе ученые, говоритъ Гервинусъ по этому поводу, помогли создать новую науку языкознанія; средство новыхъ языковъ между собою всюду указывало имъ на древній источникъ. Это было естественно, потому что языки можно измѣнять до неузнаваемости, но совершенно отложить нельзя. Другое дѣло сказанія, поэтическія произведенія. Крестовые походы заглушили почти всякую память о времени Оттоновъ, переселеніе народовъ уничтожило въ нашемъ отечествѣ всѣ великія воспоминанія о прошедшемъ; — и среди этихъ великихъ опустошеній страны, среди Бога знаетъ сколькихъ тысячелѣтій переселеній, сохранилась басня объ окрашенной въ золото и синее лисицѣ! И то ужъ удивительно, что въ языкѣ многое сохранилось, о подвижной сагѣ мы не можемъ предположить того же самаго. Намъ кажется что даже и въ языкѣ слишкомъ мало обращали вниманія, что одинаковый даръ наблюденія, обращенный на одни и тѣ же предметы, могъ самостоятельно найти сходныя выраженія для внутреннихъ впечатлѣній и вѣроятно часто находилъ. *Если, при всякомъ сходствѣ въ исторіи, отправляться отъ такого предлагаемаго доисторическаго средства — то не было бы закона внутренняго развитія, и никакой народъ, ни одинъ человекъ не могъ бы сдѣлать шагу, не замѣтвая.*

Какъ мы сказали — къ отысканію этого «закона внутренняго развитія», проложенъ путь въ новомъ философскомъ направленіи, какое получила въ наше время наука языка. Мы видимъ, какъ постепенно отъ отвлеченныхъ вопросовъ о началѣ языка она переходитъ къ такимъ живымъ вопросамъ, какъ начало мифа, обычая,

народнаго характера, народной психологіи. Введеніе въ литературную исторію, которое Штейнталь читаетъ въ этомъ семестрѣ, также относится къ разряду дисциплинъ, получающихъ новый смыслъ и болѣе ясное значеніе подъ вліяніемъ философско-лингвистическаго взгляда. Когда Штейнталь спрашиваетъ себя о началѣ искусства и находитъ его въ религіи — это имѣетъ совершенно другой смыслъ, чѣмъ извѣстныя всѣмъ повторенія о происхожденіи драмы изъ среды Діонисовыхъ празднествъ, о религіозныхъ началахъ греческаго ваянія и т. п. — Извѣстное всѣмъ эмпирическое отличіе поэзіи отъ другихъ изобразительныхъ искусствъ, будто поэзія изображаетъ дѣйствіе, ваяніе и живопись состояніе, получаетъ болѣе глубокое значеніе, когда оно сравнивается съ отличіемъ символа и мифа, слова и предложенія. Слово — это символъ; предложеніе, фраза — мифъ. Какъ въ представленіи Штейнталья слово произошло изъ предложенія, символъ изъ мифа, такъ поэзія должна была явиться раньше другихъ образовательныхъ искусствъ. Надо было существовать мифу, — въ поэзіи, чтобъ образовательныя искусства могли изобразить его символически.

Такимъ образомъ мифъ, языкъ и искусство приводятся къ одному высшему единству и взаимно другъ друга объясняютъ. Многое, что до сихъ поръ оставалось неяснымъ, въ примѣчаніяхъ и дополнительныхъ параграфахъ, войдетъ теперь въ самый текстъ. Наука объ изящномъ должна подвергнуться коренному измѣненію, вмѣстѣ съ ветхою истиною о тождествѣ прекраснаго, истиннаго и добра.

Сколько можно было замѣтить изъ предъидущаго, «введеніе» Штейнталья отличается эстетически-критическимъ характеромъ, составляетъ общіе вопросы о прекрасномъ, о формѣ, объ отличіяхъ искусствъ; историческій обзоръ понятій объ исторіи литературы отъ древнихъ Грековъ до Шлегелей и Гервинуса занялъ одинъ нѣсколько лекцій. Въ моемъ первомъ отчетѣ мнѣ удалось высказать мой взглядъ на изученіе литературной исторіи. На видъ поставлена была задача — прослѣдить исторію образованія, не ограничивая ея одною *Geschichte der Dichtung*, допуская въ нее и исторію философскихъ построеній и религіозныхъ идеаловъ. Задача, которая многимъ покажется не по силамъ, по силамъ наукъ. Штейнталь понимаетъ дѣло совершенно иначе. Для него исторія литературы совершенно эстетическая дисциплина, *eine aesthetische Disciplin*; *die Literaturgeschichte ist nur die Geschichte der eigentlichen Kunstdarstellungen auf dem Gebiete der Literatur*. Какія произведенія составляютъ

предметъ исторіи литературы? Solche Werke deren ganzes Wesen vollständig auf der Form beruht. Исторія, краснорѣчіе, философія лишь на столько привходятъ въ исторію литературы, на сколько онѣ отличаются изящной формой. На этомъ основаніи Оукидидъ и Платонъ найдутъ себѣ мѣсто рядомъ съ Гомеромъ и Софокломъ, Кантъ и Фихте останутся за дверьми или помѣстятся развѣ въ приложеніи. Разумѣется, здѣсь надо взять въ расчетъ національныя особенности: нѣмцы обращаютъ вниманіе болѣе на содержаніе, чѣмъ на форму; имъ главнымъ образомъ важна добыча мысли, въ какой бы формѣ она выражена ни была. Оттого нѣтъ на свѣтѣ ученыхъ, которые бы такъ дурно писали, какъ нѣмецкіе. Другое дѣло французы: тѣ уважаютъ хорошій стиль и потому хорошо пишутъ, читаютъ до сихъ поръ Боссюэ, между тѣмъ какъ едва ли кто въ настоящее время возмется за Гердера, который однако хорошо писалъ. Такимъ образомъ становится неясна граница между хорошо и дурно пишущими учеными и вмѣстѣ съ тѣмъ неясенъ критерій кого допустить въ исторію литературы, кого нѣтъ. Да и на какомъ основаніи допустить? Штейнталь самъ называетъ научный языкъ — eine wissenschaftliche Nothsprache, какъ есть дѣловой языкъ, языкъ обыденнаго разговора. Красивъ ли этотъ научный языкъ или нѣтъ, даже при отсутствіи всѣхъ спеціальныхъ терминовъ и ученыхъ оборотовъ, онъ останется eine Nothsprache уже потому одному, что глубоко обусловленъ содержаніемъ изслѣдованія, логическимъ развитіемъ мысли. Если эта мысль не должна имѣть мѣсто въ изложеніи исторіи литературы, то какъ бы ея изложеніе ни возвышалось надъ уровнемъ обыкновеннаго научнаго Nothsprache, какъ напр. языкъ Lotze въ его микрокосмѣ, оно все же въ исторію литературы не идетъ, развѣ въ особую главу «о приятномъ слогѣ».

Мы оставляемъ другимъ рѣшить, не слишкомъ ли узко очертилъ Штейнталь границы литературной исторіи? Мы себѣ объясняемъ дѣло такимъ образомъ. Существуетъ рубрика подъ названіемъ исторія литературы; ея границы неясны, они расширяются по временамъ до принятія въ себя такихъ элементовъ, которые съ своей стороны усиѣли сложиться въ особія науки. Надо было опредѣлить границы, провести межу, до которой позволено доходить литературной исторіи и за которой начинаются чужія владѣнія. Эти владѣнія — политическая исторія, исторія философіи, религіи, точныхъ наукъ. На долю исторіи литературы останутся такимъ образомъ одиѣ, такъ навываемыя, изящныя произведенія и она станетъ

эстетической дисциплиной, исторіей изящныхъ произведеній слова, исторической эстетикой. Это зовется узаконеніемъ и осмысленіемъ существующаго. Безъ сомнѣнія, исторія литературы можетъ и должна существовать въ этомъ смыслѣ, замѣняя собою тѣ гнилыя теоріи прекраснаго и высокаго, какими насъ занимали до сихъ поръ. Въ рукахъ Штейнталя оно такъ и стало бы; но нужно имѣть его талантъ и мы боимся, что при такомъ направленіи, да въ другихъ рукахъ, исторія литературы всегда будетъ имѣть теоретическій характеръ или сдѣлается невѣрна самой себѣ и, выйдя изъ желанія заниматься однѣми только поэтическими произведеніями, принуждена будетъ прибѣгать за объясненіемъ ихъ къ особенностямъ политическаго и религіознаго развитія. *Geschichte der deutschen Dichtung* Гервинуса даетъ гораздо больше, чѣмъ можно бы ожидать по ея заглавію. И выходитъ, что вмѣсто того, чтобъ оставлять себѣ лазейку на всякій случай, лучше прямо сознаться, что границы литературной исторіи придется опредѣлять иногда гораздо шире, чѣмъ кругомъ исключительно изящныхъ произведеній. Осмысляя существующую рубрику, можно, я думаю, предложить и новую. Мы предложили исторію образованія, культуры общественной мысли, на сколько она выражается въ поэзіи, наукѣ и жизни. Точныя науки привходятъ, разумѣется, только своими результатами, какъ вообще на культуру онѣ стали имѣть вліяніе только въ послѣднее время.

Что эта задача не легкая — сознаю всего больше я самъ. Нужна масса знаній и нужно много времени для приобрѣтенія этой массы знаній, а не два года, назначенные намъ распоряженіемъ министерства. Иногда опускаются руки передъ количествомъ матеріала, который хотѣлось бы одолѣть, чтобы сколько нибудь отвѣчать заданной самому себѣ задачѣ. Для этого необходимо порой специализироваться, а тутъ надо спѣшить, прочесть какъ можно больше книгъ. Этимъ объясняется, почему иногда разбрасываешься и много слушаешь лекцій, которыя отрываютъ отъ домашнихъ, болѣе производительныхъ занятій. Въ настоящее время я занимаюсь дома старофранцузскимъ языкомъ, въ университетѣ слушаю психологію у Юргенъ Бона-Мейера, у Мюлленгофа — историческую грамматику нѣмецкаго языка и Вальтера фонъ-деръ Фогельвейде въ связи съ нѣмецкой метрикой. О грамматикѣ нечего говорить: послѣ капитальныхъ трудовъ Якова Гримма трудно сдѣлать что нибудь новое, не опираясь на нихъ. Главная разница въ систематизаціи — напр. глаголовъ такъ называемой *starker Conjugation*, гдѣ Мюллен-

гофъ отступаетъ отъ Гримма и лекцій Лахмана. За то лекціи Лахмана, установителя древне-немецкой метрики, совершенно легли въ основаніе метрическихъ чтеній Мюлленгофа. подкрѣпленныя новыми примѣрами изъ изданій Лахмана, Бенеке и Гаупта и развиты въ частностяхъ. Отрывки изъ тѣхъ лекцій по запискамъ Zacher'a помѣщены были въ журналъ Шфейффера и обработаны Оскаромъ Шаде въ *Weimarische Jahrbücher*. Наслѣдіе Лахмана еще долго будетъ чувствоваться въ наукѣ немецкаго языка.

Шоттъ, извѣстный знатокъ китайскаго и финскихъ языковъ. нѣсколько лѣтъ сряду объявляетъ, что будетъ читать о духовныхъ произведеніяхъ финскихъ племенъ (*de monumentis ingenii populorum Fennicae quae dicitur stirpis.*) Не смотря на то, что лекціи объявлены публичныя, слѣдовательно даромъ, онѣ рѣдко когда устраивались. По немецкимъ университетскимъ обычаямъ — *tres faciunt collegium*, а трехъ слушателей никогда не набиралось. Въ недавнее время чтенія кое-какъ уладились, но не публичныя, а на частномъ основаніи — слушателей двое. Мы уже получили полную библиографію финской и эстонской литературы, куда вошли, разумѣется, сочиненія, писанныя о Финляндіи на шведскомъ языкѣ и такия, которыя писаны по-фински, но не о Финляндіи. Профессоръ Шоттъ остановился подробнѣе на Калевалѣ и Калевипойгѣ, о которомъ готовится статья. Мы ожидали, что онѣ больше обратитъ вниманія на языкъ, обычай, мифологію — вообще, на все то, что собственно говоря, можно назвать произведеніемъ народнаго духа. Какъ бы то ни было — его лекціи даютъ много матеріалу, который рѣдко кому придется добывать изъ первыхъ рукъ.

11) Кандидата Дмитрія Лебедева.

Въ предыдущемъ моемъ письмѣ я уже сообщалъ министерству народнаго просвѣщенія, что въ текущемъ семестрѣ я занимаюсь преимущественно прикладною математикою.

Я посѣщалъ два курса лекцій г. Вибе; о простыхъ частяхъ машинъ и о рабочихъ машинахъ, и курсъ г. Грасгофа, объ общей теоріи машинъ и о гидравлическихъ двигателяхъ, читанные ими въ Берлинскомъ *Gewerbe Institut*'ѣ.

Свой курсъ о простыхъ частяхъ машинъ Вибе началъ статью о тѣхъ частяхъ машинъ, которыя основаны на теоріи винта и клина, причѣмъ обратилъ главное вниманіе на тѣ изъ нихъ, которыя